

ИСЛАМ И ОБЩЕСТВО
ISLAM AND SOCIETY
 © Исламоведение, 2015
 Том 6. № 2 (24)

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ
 ISSN 2077-8155 (print)
 ISSN 2411-0302 (on-line)
 Онлайн-доступ к журналу:
<http://islam.dgu.ru>

УДК 297.1

М.Я. Яхьяев

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 20.02.2015
 Передана на рецензию: 22.02.2015
 Получена рецензия: 14.03.2015
 Принята в номер: 25.04.2015

К вопросу об экстремизме в исламе

Дагестанский государственный университет; mucthar59@mail.ru

Отмечая дискуссионность проблемы религиозного экстремизма и конкретных форм его проявления, автор в статье увязывает ее социально-историческую природу с особенностями религиозной веры, имманентными религиозной идеологии возможностями экстремистских превращений, реализующимися в действительности в конкретных экономических, политико-правовых, социокультурных условиях. Автор приходит к выводу, что экстремистские метаморфозы происходили в истории со всеми религиями, однако из этого не следует, что религия неизбежно приводит к экстремизму. Религиозный экстремизм как превращенная форма истинной религиозной веры всегда проявляется на основе конкретной идеологии. В истории религий периоды экстремистских идеологических метаморфоз были всего лишь отдельными моментами их исторической эволюции. Путем, ведущим к экстремистской метаморфозе религии в целом или отдельных ее толков, является селективная актуализация обнаруживающихся в религии ростков экстремизма.

Экстремистская идеологическая метаморфоза в условиях России произошла с салафитским исламом, и эту уже превращенную исламскую идеологию взяли на вооружение отдельные конфессиональные группы. Экстремистские идеологические превращения в исламе отграничиваются от нормальной религиозной идеологии по четырем базовым пунктам исламского вероучения: статус земного мира в исламской картине мира, понимание природы человека, отношение человека к видимому миру и отношение человека к потустороннему миру. На основе экстремистского исламского сознания формируется экстремистское религиозное поведение отдельных групп мусульман, что и используется многими оппонентами ислама для отождествления ислама с экстремизмом, фанатизмом, терроризмом, другими формами человеческой деструктивности.

Ключевые слова: религия, ислам, салафизм, идеология, психология, экстремизм, терроризм, метаморфоза.

Discussing the problem of religious extremism and its concrete forms, the author of the article ties its historical and social origins to the specific features of a religious faith, to the immanent religious ideology leading to the possibility of extremist transformations and their further realization and existence under specific economic, political, legal, social and cultural conditions. The author concludes that religious metamorphoses historically took place in all religions. However, it does not mean that religion inevitably leads to extremism. Religious extremism as a transformed form of true faith always appears on the ground of a certain ideology. In the history of religions, the periods of extremist ideological metamorphoses are known as only some moments of religions' evolution. The way leading to extremist metamorphoses of a religion as a whole or its separate interpretations is a selective actualization of its/their extremist germs. In Russia, extremist ideological metamorphosis took place in Sala-

fit Islam whose transformed ideology was accepted by other confessional groups. The author differentiates extremist ideological transformations in Islam from common religious ideology according to the four basic points in the Islamic faith: the status of the world in the Islamic world image, the comprehension of human nature, Man's treatment of the visible and another worlds. The religious behavior of certain Moslem groups based on extremist Islamic consciousness makes the opponents of Islam identify it with extremism, fanaticism, terrorism and other forms of human destructiveness.

Keywords: *religion, Islam, ideology, psychology, extremism, terrorism, metamorphosis.*

Введение

Во время встречи с представителями духовных управлений мусульман Северного Кавказа, других религиозных организаций, состоявшейся в августе 2009 года в г. Сочи, Президент РФ Д.А. Медведев заявил: «Я поддерживаю то, что сказал Президент Чечни Рамзан Кадыров. Мы не должны называть экстремистов «исламскими экстремистами». Правильное наименование бандитов – просто бандит, у него нет религиозного содержания, даже если у него где-то в голове кружится, что он правоверный мусульманин. Он не мусульманин – он бандит... Так их и нужно называть и по телевизору, и в средствах массовой информации» [2, с. 2].

После своего назначения Врио Президента Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипов, развивая эту мысль, неоднократно заявлял о том, что выражение "исламский терроризм" неправильно передает суть проблемы, и требовал не называть исламским экстремизмом и терроризмом различные проявления экстремизма, фанатизма и терроризма в республике. «Всё это на самом деле называется антиисламским экстремизмом и антиисламским терроризмом... Иначе мы сами объявляем бандитов, негодяев и убийц защитниками ислама». В этой связи Р. Абдулатипов обозначил и свое намерение обратиться в Национальный антитеррористический комитет с просьбой не употреблять дальше термин «исламский экстремизм и терроризм» [6].

В июле 2014 г. Р. Абдулатипов выступил со специальным обращением к представителям СМИ: «Ислам, как и все религии, исповедует ценности мира и добра и не приемлет насилия в любом его проявлении. Пора назвать вещи своими именами: экстремизм и терроризм не имеют ничего общего с любой религией, в том числе с исламом. Все те негативные явления, которые сегодня приписываются исламу, по своей сути являются антиисламскими, и действия так называемых «исламских террористов» – однозначно антиисламские. Экстремизм и терроризм любых мастей направлены на разрушение основополагающих принципов, которые заложены в исламе. Поэтому журналистскому сообществу очень важно сегодня отказаться от использования терминов «исламский терроризм», «исламский экстремизм» как факторов, способствующих накоплению в обществе конфронтационного потенциала и разжиганию межконфессиональной нетерпимости. Такие формулировки оскорбляют чувства миллионов добропорядочных мусульман, являющихся активными гражданами и патриотами нашей страны... Настало время серьезно задуматься о своих действиях и не придавать религиозной окраски антирелигиозным, невежественным деяниям и словам» [6].

О том, что «исламский экстремизм» – это не что иное, как «фантом», используемый отдельными политиками и журналистами, чаще других говорят представители духовных управлений мусульман, которые нередко обвиняют федеральные власти в том, что они используют проблему экстремизма и терроризма для того, чтобы оказать давление на республики с преимущественно исламским населением. Солидаризируясь с ними, об этом же говорят и некоторые представители христианских организаций [9].

О неточности, небезупречности терминов «исламский экстремизм», «исламский терроризм», «исламский фанатизм» и необходимости беспристрастного научного анализа тех феноменов, которые обозначаются этими терминами, религиоведы говорят давно. С. Пичугин задается вопросом: «Насколько оправдана сама постановка вопроса об исследовании именно исламского экстремизма? Ведь давно известно, что преступность и терроризм не имеют ни национальности, ни религиозной принадлежности?» [4].

М.А. Баглиев считает, что речь следует вести «об экстремизме, использующем ислам в качестве религиозной идеологии». Но он же отмечает, что «ислам, будучи цельной религией, неотделим от политики. Более того, он проникает во все формы общественного сознания. И с этой точки зрения экстремизм может быть и исламским» [1].

Говоря о важной роли позитивного идейного потенциала ислама в борьбе с религиозным экстремизмом, Л.Р. Сюкияйнен исходит из необходимости борьбы и с исламским экстремизмом и терроризмом. Он полагает, что в России «ислам как политический фактор чаще используется в антигосударственных деструктивных целях, а не в интересах консолидации общества и укрепления государства». И происходит это, по его мнению, «прежде всего, не в силу природы ислама, а потому, что российская власть в целом оказалась неготовой к масштабному вторжению ислама в политическую жизнь» [8].

Религиозное содержание экстремизма

Имеющийся разброс мнений по проблеме религиозного экстремизма и конкретных форм его проявления требует от нас объективного анализа следующих проблем: Имеют ли экстремизм, терроризм, фанатизм религиозное содержание или же эти феномены абсолютно нейтральны к содержанию идей, лежащих в их основе? Является ли экстремизм сущностной особенностью религии вообще или же только специфические религии потенциально содержат в себе зародыши фанатизма и экстремизма, которые при благоприятных обстоятельствах актуализируются и развиваются в религиозный экстремизм и религиозный терроризм? Допустимо ли интерпретировать религиозный экстремизм и терроризм исключительно как патологические отклонения от нормальных религий? А если эти феномены имеют религиозное содержание, то какая именно религия лежит в их основе и какими терминами их определять, если запретно сопряжение конкретной религии с подобными явлениями? Может ли отказ от употребления понятий «исламский экстремизм», «исламский терроризм», «исламский фанатизм» привести к преодолению или хотя бы минимизации тех явлений, которые ими обозначаются? Без решения этих и подобных им вопросов мы не сможем установить социально-историческую природу религиозного экстремизма, уяснить сущность конкретных форм его проявления, наметить и реализовать направления и механизмы его профилактики и преодоления.

Рассуждая абстрактно, мы можем допустить, что экстремизм и терроризм вообще несовместимы с религией, что любая религия исключает эти крайности и истинные религии не имеют к ним какого-либо отношения. Такая позиция вполне приемлема для искренне верующих людей, профессиональных служителей традиционных культов, а также некоторых богословов. Но она же не исключает рассмотрения других религий или отдельных толков внутри одной о той же религии как экстремистских искажений истинной религиозной веры. Выходит, что эта позиция, изначально отрицая связь истинной религии с экстремизмом, всё же допускает возможность экстремизма в религии как формы ее искажения. Иначе говоря, религиозный экстремизм с этой позиции оказывается деформацией подлинной сути конкретной религии.

Другая крайность в этом вопросе – позиция, характерная для людей, не являющихся приверженцами какой-либо религии или вообще негативно относящимися к религии. Согласно ей экстремизм содержится в любой религии, он может быть сильно выраженным в конкретный исторический момент развития общества, а может иметь минимальные формы проявления, но он имманентен религии, провоцируется и подпитывается религией. Оба подхода сходятся в том, что экстремизм, фанатизм, терроризм связаны с религией, что эти формы деструктивного поведения могут иметь религиозное содержание.

Более приемлемой нам представляется третья позиция, заключающаяся в конкретно-историческом подходе к проблеме связи экстремизма, терроризма, фанатизма, иных форм деструктивных идеологий и практик с религией. Суть данного подхода заключается в том, что конкретная религия может существовать и функционировать и без каких-либо проявлений экстремизма и терроризма, и с заметными проявлениями экстремизма, но она же может принимать и демонстративно-экстремистские формы. Поэтому установление действительной природы религиозного экстремизма и терроризма требует от нас, во-первых, рассмотрения особенностей самой религии, претерпевающей экстремистские метаморфозы; во-вторых, осмысления конкретной социально-экономической, политико-правовой, культурной, духовно-нравственной ситуации, в которой происходит рождение религиозного экстремизма и терроризма. Только такой подход позволяет, с нашей точки зрения, установить подлинные взаимосвязи религии с экстремизмом и терроризмом.

В противоположность стремлению защитить религию от обвинений в экстремизме, отделяя истинную религиозную веру от экстремистки превращенной формы веры, бытует позиция, отождествляющая экстремизм с религиозной верой как таковой. По мнению ее сторонников, в основе любой религиозной веры имеется некритическое и безосновательное принятие системы вероучительных догматов, нелогичных, малопонятных и противоречивых положений. Некритическое принятие догматических идей без достаточного обоснования, без логической аргументации и опытного подтверждения лежит в основе как истинной религиозной веры, так и религиозного суеверия. Поэтому любая религиозная догматическая система имманентно предполагает вероятность превращения в экстремистскую форму.

Религиозные убеждения, прочно укоренившись в сознании многих поколений людей на протяжении тысячелетий, далеко не всегда находили свое проявление в таких искаженных и радикальных формах, как экстремизм и терроризм. Экстремистские превращения в истории религий всегда существовали, но они проявлялись только у незначительной части приверженцев. Поэтому и говорить следует не о том, что экстремизм является неизбежным следствием любой религии, а о том, что религиозный экстремизм как форма религиозной веры неизбежно возникает на почве религии при благоприятных для этого социально-исторических условиях. Выявление конкретно-исторических причин и условий превращения нормальной религиозной веры в экстремистскую форму – актуальная проблема науки.

Формирование в отдельные периоды исторического развития социума благоприятных условий зарождения экстремистской идеологии является предпосылкой неизбежного проявления религиозного экстремизма наряду с другими возможными формами экстремизма. В истории конкретной религии периоды экстремистских идеологических метаморфоз являются отдельными моментами ее исторической эволюции. В самой же религии обнаруживаются лишь зародыши или ростки экстремизма. В любом случае, разгадку причин появления религиозного экстремизма необходимо искать не в

самой религии, а в конкретных социально-исторических условиях ее существования и функционирования.

Экономических, социокультурных, политико-правовых, духовно-нравственных и иных причин экстремистской метаморфозы религии множество, и они подробно рассмотрены в наших публикациях¹. Здесь же отметим, что немаловажным фактором, способствующим перерождению нормальной религиозной убежденности в экстремистскую целемотивацию, являются и недостатки в работе официальной церкви и духовенства, не всегда проявляющих достаточной чуткости по отношению к рядовым верующим. К тому же экстремистской метаморфозе религиозной веры способствует и определенный психический склад личности, в частности такие черты, как самолюбование, визионерство, склонность к «прозрениям» и видениям (т. е. нездоровое религиозное воображение, когда верующий свои видения принимает за божественное откровение). Подобные психические акцентуации характера верующего человека, безусловно, способствуют развитию на основе религиозной веры экстремистского сознания и поведения. Однако это не главные причины, а лишь один из факторов, благоприятствующих возникновению экстремизма.

По своей глубинной сути религиозный экстремизм является специфической формой экстремизма вообще, приобретаемой им в определенных конкретных социально-исторических обстоятельствах. Критическая социально-историческая ситуация, способствующая рождению экстремизма, обычно формируется в периоды кардинальных общественных реформ или революционных скачков от одной формы общественного устройства к другой. А социальные переходы, знаменующие собой выход из критической ситуации, находят свое отражение и в религиозном сознании, и в смене исторических форм религии. Поэтому религиозный экстремизм оживает именно в такие переходные времена и связан как с кризисом традиционной религиозной веры, так и с рождением новой формы религии. При этом важно помнить, что религиозный экстремизм в малых и небольших формах выражения существует и в периоды сравнительной социальной устойчивости.

Религиозный экстремизм имеет многообразные формы бытования, но неизменно проявляется как агрессивное поведение конкретного социального субъекта, которому свойственно чрезвычайно некритическое отношение к самому себе в сочетании с крайне не критическим отношением к другим, иноверцам, инакомыслящим, т. е. к тем, кто не разделяет его религиозных убеждений. Традиционная религия предполагает терпимое отношение верующего к грешникам и иноверцам, а также самокритичность, понимание им сложности и многообразия как внешнего мира, так и внутреннего духовного мира человека, его открытость по отношению к другим людям, готовность творить добро. А религиозный экстремизм превращает верующего в «раба» деформированной веры, в чьем поведении утрачивается истинная нравственная свобода, делающая его духовной личностью.

Внешними формами проявления религиозного экстремизма выступают нелегитимные, насильственные, разрушительные, агрессивные действия носителя конкретных религиозных убеждений по отношению не только к другим, инаковерующим людям, но и к себе самому, т. е. различные способы самовредительства вплоть до самоуничтожения. Но за готовностью экстремиста преследовать и физически уничтожать оппонентов зачастую скрывается страх религиозного субъекта перед враждебным миром и иновер-

¹ Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления. – М.: Парнас, 2011; Яхьяев М.Я. Фанатизм и ислам. – Махачкала: Лотос, 2011.

цами. За экзальтированной, гипертрофированной, некритичной убежденностью и самомнением, «гордыней» верующего-экстремиста таится фактическое неверие и во все-силие Бога, и в самого себя.

Религиозный экстремизм – это абстракт, который существует не отдельно от конкретной религии, а только в неразрывной связи с ней. Формы проявления религиозного экстремизма детерминированы преимущественно содержанием религиозной идеологии, лежащей в его основе. Иначе говоря, без религиозной идеологии нет и религиозного экстремизма. О том, что без идеологической основы нет и не может быть ни экстремизма, ни терроризма, ни фанатизма, говорят многие, особенно если это касается ислама. К примеру, В. Рыжков заявляет: «У ислама есть идеология, это делает сегодня исламский экстремизм очень опасным» [7]. Но идеологическая основа есть не только у ислама, она есть у христианства, иудаизма, конфуцианства и т. д. Без идеологической основы невозможна никакая религия, т. к. идеология является рационально-теоретической, систематизированной формой выражения коренных потребностей и интересов не только определенного конфессионального сообщества, но и любых крупных социальных общностей людей.

Однако наличие одной только идеологии не делает экстремистскими религию, партию, или этнонациональное образование. Но верно и то, что ростки экстремизма потенциально содержатся в любой идеологии, а селективная актуализация подобных ростков при благоприятных для культивирования экстремизма и терроризма экономических, политических, социальных, культурных и иных условиях может привести к экстремистской метаморфозе любой конкретной идеологии. Как пишут П. Ключков и А. Шмулевич, «предвзятое толкование религиозных текстов дает возможность использовать в экстремистских целях любое религиозное учение» [3]. Значит, проблема сводится к тому, кто и в чьих интересах будет расставлять акценты среди религиозных идеологических ценностей, какие именно положения священных текстов будут взяты в качестве идейных ориентиров, которыми будут руководствоваться в своей повседневной деятельности массы верующих. От этого зависит и то, какое именно религиозное направление утвердится в данных конкретно-исторических условиях и получит возможность влиять на сознание и чувства верующих.

Идеологическая мотивация экстремизма содержанием конкретной религиозной идеологии дает нам достаточные основания для выделения различных форм и разновидностей религиозного экстремизма, среди которых можно отметить исламский экстремизм, христианский экстремизм, иудейский экстремизм, буддийский экстремизм и т. д. Внутри этих форм религиозного экстремизма могут развиваться другие разновидности, связанные с теми или иными направлениями, течениями, толками, сектами внутри определенной религии. К примеру, разновидностями исламского экстремизма являются шиитский экстремизм, суннитский экстремизм, салафитский (ваххабитский) экстремизм и пр. Но проявление и развитие конкретной формы исламского религиозного экстремизма в той или иной стране или регионе зависит от множества факторов, среди которых преобладают причины не столько исламского плана, сколько социально-экономического, политического, культурологического характера.

Экстремистские превращения в исламе

Религиозный экстремизм является идеологически обоснованным и оправданным интересами религии применением радикальных, крайних, нелегитимных, насильственных средств и способов достижения политических целей, провозглашаемых приверженцами того или иного религиозного направления или толка. Здесь важно то, что ре-

лигиозный экстремизм является не просто эпизодическим применением крайних, радикальных, террористических инструментов достижения религиозных политических целей, экстремизм оказывается упорядоченной идеологической системой и организованной религиозной практикой беспрекословного служения Всевышнему с использованием террористического инструментария.

Исходя из такого понимания религиозного экстремизма, мы можем определить исламский экстремизм как идеологию и практику, которые связаны с исламским мировоззрением, его вероучением и культом. К примеру, самоубийственные действия верующего-мусульманина, который совершает террористический акт во имя Аллаха и погибает на пути джихада с надеждой на прямой путь в рай – это конкретное проявление исламского экстремизма. Если бы целемотивация такого радикального акта самопожертвования проистекала из православной религии, то мы говорили бы о нем как о проявлении православного, но никак не антиправославного экстремизма. Идеологическая обусловленность находит свое выражение в мотивации деятельности верующего, позволяющей совершать рискованные и часто самоубийственные акции, на которые, как правило, не идут экстремисты без религиозной мотивации. Но в любом случае именно религиозно мотивированные личности оказываются готовыми без излишних раздумий совершать самые жестокие действия и идти на самопожертвование в ходе проведения таких акций. При этом самопожертвование воспринимается ими как форма служения Богу и реальная возможность попадания в рай.

В религиозоведческой литературе распространено мнение, что исламский экстремизм с необходимостью вытекает из особенностей исламской веры как таковой. Проводники такого взгляда пытаются доказать, что исламская религия, рассматривая современную западную культуру как нечто абсолютно несовместимое с нравственным и духовным здоровьем общества и личности, неизбежно порождает экстремистскую религиозную практику. К примеру, С. Пичугин подвергает критике позицию А.С. Каца утверждающего, что «исламские общества и государства сегодня – это открытые язвы на теле человечества, это самое отъявленное Средневековье в XXI веке». Он пишет: «Исламские террористы черпают свою идеологию из религии ислама, а кадры – из мусульманской среды». Признавая, что многие мусульмане – люди вполне мирные и неагрессивные, он полагает, что сделать мирной религией сам ислам можно только «пацифицировав его. И здесь, к великому сожалению, без применения силы никак не обойтись». Статья заканчивается заведомо нереалистичным предложением «реформировать ислам, изъяв из Корана призывы к уничтожению неверных». По мнению автора, «это должны сделать мирные мусульмане на своем всемирном съезде» [4].

По поводу мнения А.С. Кац обратим внимание на то, что экстремисты с террористами не черпают свою идеологию из религии ислама по той простой причине, что в исламе такой идеологии нет. Экстремистская идеологическая метаморфоза происходит с конкретным толком ислама, оказавшимся в экстремальных для себя политико-правовых и социокультурных условиях, и эту уже экстремистски модифицированную исламскую идеологию берут на вооружение отдельные группы верующих, которые в своей повседневной деятельности пытаются претворить ее в жизнь. Тот же ваххабизм функционирует как вполне миролюбивая и толерантная религия в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне и ряде других ближневосточных стран, где он является составляющей официального ислама. Но в условиях России, в частности Северного Кавказа, он оказывается религиозной идеологической основой экстремизма и терроризма. Следовательно, дело не в самой религии, а в социальных условиях его бытования. Поэтому нет никакой необходимости, да и возможности «пацифицировать» ислам, тем более на-

сильственными средствами. Ислам по своей изначальной природе является толерантной религией мира и добра, он проявляет свою гуманистическую сущность, если экономические, политические, правовые и иные социальные условия и факторы не деформируют, не искажают ее подлинную природу. Поэтому задача общества состоит не в том, чтобы из политцелесообразности реформировать ислам, а в том, чтобы создать для ислама и верующих мусульман все необходимые условия гармоничного развития и бесконфликтного существования.

В конкретно-исторических условиях современного Северного Кавказа экстремистская метаморфоза произошла не с исламом, а с салафизмом как толком ислама, нетрадиционным для России. Результатами такой метаморфозы стали дестабилизация социально-политической ситуации, разъединение и разобщение верующих по конфессиональному принципу. Салафитский экстремизм в регионе пропагандирует альтернативную религиозную идеологию и культовую практику, подвергает критике существующий социально-политический порядок, отрицает устоявшиеся духовно-нравственные нормы и ценности. Но для адекватного понимания того, почему такая метаморфоза произошла именно с салафитским исламом, недостаточно одного только указания на социально-экономическую ситуацию, которая провоцирует проявления экстремизма и терроризма. Здесь необходимы знания некоторых особенностей исламского религиозного сознания и культовой практики, допускающих в конкретных социально-исторических условиях экстремистские превращения.

Исламское сознание проявляется на двух уровнях: на уровне идеологии и на уровне психологии. Религиозная исламская идеология – это систематически оформленная совокупность исламских представлений, принявшая форму общеобязательного, ортодоксального, единственно истинного вероучения. Особенностью этой идеологической системы является ее внутренняя противоречивость, которая и становится почвой для различных интерпретаций, расстановки разных идеологических акцентов, селективной актуализации отдельных фрагментов, вырванных из целостности. Это то обстоятельство, которое позволяет нам отграничивать от имманентной исламу нормальной религиозной идеологии отдельные ее экстремистские идеологические извращения, которые облачаются в исламские одеяния и заявляют о себе как об «истинном» или «чистом» исламе.

В чем же нормальная исламская идеология принципиально отличается от ее экстремистских превращений?

Основное догматическое содержание ислама одинаково и в нормальной вере, и в ее экстремистских формах. Различия касаются идеологических акцентов и мировоззренческих приоритетов, устанавливаемых соответствующей интерпретацией стержневых мировоззренческих положений. Эти различия можно провести по четырем базовым пунктам исламского вероучения: 1) статус земного мира в исламской картине мира, 2) понимание природы человека, 3) отношение человека к видимому миру, 4) отношение человека к потустороннему миру.

По первому пункту можно утверждать, что традиционная исламская идеология рассматривает действительный мир как результат творения Аллаха, который совершенен, насколько это возможно, и потому не нуждается в человеческом воздействии и корректировке. Экстремизм, выступающий от имени ислама, признавая мир творением Всевышнего, расставляет акценты на порче, привнесенной в реальный мир под воздействием негативных сил, кознях «нечистой силы». В соответствии с этим и реальный мир подвергается рассмотрению как безупречный в замысле, но фрагментарно испорченный в реальности и потому требующий исправлений.

По второму пункту очевидно, что подлинный ислам, анализируя человека как существо, сотворенное Аллахом, усматривает в нем причудливое сочетание положительных и отрицательных качеств высшей божественной и низшей телесной природы. Смысл человеческой жизни заключается в личном спасении путем внутреннего духовного самосовершенствования, преодоления отрицательных низменных качеств и формирования возвышенных личных качеств. Экстремисты упрощают имманентную двойственность человеческой природы, противоборство в человеке высших и низших сил, разделяя людей на правоверных и неправовверных, достойных и недостойных спасения, нуждающихся в исправлении ради их же собственного спасения.

По третьему пункту ясно, что в исламе человек в реальном мире является связующим звеном земного мира с потусторонним. По этой причине человеку подобает принимать существующий мир таким, какой он есть, беречь устройство реального мира, учрежденное Творцом, не пытаться исправлять или переделывать его по своим человеческим меркам. В противоположность сказанному исламский экстремизм исходит из того, что правоверные не обязаны мириться с «испорченным» реальным миром и такими же подпорченными людьми, но обязаны в меру своих сил выправлять и искоренять порчу, привнесенную как в видимый мир, так и в отдельных людей.

Пункт четвертый – исламская религия рассматривает человека как несовершенное творение Аллаха, тянущееся к совершенству. Основным путем обретения совершенности является индивидуальное мистическое общение с создателем через систему религиозных культовых действий, а важной составляющей индивидуального отношения личности к Аллаху остаются покорность и любовь. В результате экстремистских превращений в исламе акцент переносится на то, что человек – слуга Всевышнего, тем самым подчеркивается его несовершенство. По убеждению экстремиста, любовь Творца мусульманин может снискать только истовым искоренением порчи в самом себе, но что еще важнее – в иных людях и в реальном мире.

Обладающая указанными характеристиками экстремистская исламская идеология становится основой экстремистских религиозных чувств. Комплекс религиозных чувств, их баланс у отдельного мусульманина, его приоритеты всегда индивидуальны. Но именно эта индивидуальность и позволяет отличать на уровне исламской психологии нормального верующего мусульманина от мусульманина-экстремиста.

Экстремистски ориентированному мусульманину свойственна высокая степень эмоционально-психологической, нравственной вовлеченности в террористическое действие. Для него теракт – это не просто очередной шаг к достижению конкретной цели, а форма выражения своей сопричастности к Высшему началу, способ беззаветного служения Ему, обретение личного спасения. Многие мусульмане, производящие террористические акты, искренне верят, что попадут в рай. Палестинец Зайдан, потенциальный смертник, которому не удалось совершить теракт, говорил, что на это действие его «подвигла любовь к мученичеству». «Я не намеревался никому мстить, – говорил он. – Я просто желал стать мучеником». Зайдан признал, что его израильские тюремщики были «лучше многих арабов». Когда его спросили, думал ли он о том, какие страдания его смерть принесет близким, он ответил, что мученик получает право взять с собой в рай семьдесят людей, которых он сам выберет. Разумеется, он собирался взять туда своих родных [10].

Рассматривая себя в качестве орудия осуществления Высшей воли, мотивированный вероучением ислама, террорист уверен в том, что Всевышний избрал именно его в качестве спасителя других, избавителя заблудших овец. Почему такой экстремист не испытывает каких-либо переживаний по поводу невинных жертв совершаемых им тер-

рористических действий? А потому, что по его глубокому убеждению он помогает своей жертвенностью заблудшим овечкам вернуться на путь истины и попасть в рай. В силу того, что подобные действия рассматриваются экстремистом как форма служения Аллаху, такое поведение верующего мусульманина и оказывается проявлением именно исламского, а не антиисламского экстремизма и терроризма. Террористический акт на пути джихада рассматривается экстремистом от ислама не только как угодное Аллаху дело, он становится источником его радости и удовольствия. Эмоциональное, экстатическое воздействие самого террористического акта становится важной мотивирующей силой теракта, совершаемого верующим фанатиком. Не зря и сегодня в регионах распространения практики террора действия шахидов-смертников зачастую окружаются ореолом «мученичества и борьбы за веру».

Добропорядочного мусульманина заботит собственное отношение к Творцу, а экстремиста-мусульманина – испорченные люди и испорченный мир. Разумеется, что большинство людей может испытывать ненависть, как и многие экстремисты. Но важно то, что в последнем случае основой ненависти оказывается религиозная вера, как и тогда, когда эмоционально-психологическую позицию детерминируют религиозные убеждения. Приверженцев ислама от других верующих отличает лишь то, что они веруют в единого Аллаха и Мохаммеда как его Пророка.

Истинный мусульманин испытывает позитивные эмоции: радость, восхищение, любовь, надежду и т. п. У исламского экстремиста доминируют негативные эмоции: страх, бессилие, гнев, ненависть и пр. Религиозные чувства истинного мусульманина внутренне разноречивы и по отношению к Аллаху, и по отношению к самому себе, и по отношению к другим людям и внешнему миру. Он любит Аллаха, он любит его в себе, и в других людях, и в реальном мире. Экстремист испытывает к Аллаху любовь безропотного и послушного раба, но с огромной примесью страха. По отношению к людям он испытывает двойственные чувства. Правоверные мусульмане вызывают в нем положительные эмоции, а вероотступники, лицемеры, мунафики и прочие неправоверные – негативные чувства. И те, и другие его эмоции носят гипертрофированный характер.

Истинный мусульманин стремится к возвышению души, культивирует чувства любви и гуманизма. Для экстремиста-мусульманина характерен садомазохизм, он ощущает наслаждение, когда его разрушительные действия причиняют страдания ему самому или другим людям.

Религиозные чувства истинно верующего мусульманина носят внутренний, спокойный и патетический характер, обнаруживаясь как внутренний свет души, идущий от личности, а у экстремиста-мусульманина это показная экзальтация, истеричность, сопровождающаяся неподобающими гримасами, мимикой, жестами, позами.

По своей сути исламское сознание экстремиста – это странное и необычное толкование вероучительных источников и появление на этой основе особенного склада религиозных чувств, на базе которых формируется специфическое экстремистское исламское поведение.

Очевидно, что каждая религия почитает собственные святыни и отвергает авторитет других религий. Однако эта норма может быть истолкована либо как требование захватнической войны с инаковерцами, либо как инертное отклонение от чужой веры и ее мирная критика. Все это позволяет направить верующего на разрушительную деятельность по отношению к иноверцам и видимому миру с целью переустроить его по меркам собственных призрачных религиозных идеалов.

Чем же отличается религиозное поведение мусульманина-экстремиста от поведения добродетельного мусульманина?

Во-первых, обычному мусульманину свойственны внутренняя нравственная мотивация, базирующая на свободном принятии верующим моральных принципов и императивов, имеющих в исламе, высокая личная ответственность и приоритет моральных ценностей, который суживает выбор средств достижения своих целей. Поведению мусульманина-экстремиста свойственна внешне принудительная мотивация: конкретные цели и предписания выполняются не по внутреннему нравственному убеждению, а по принуждению извне. В результате такой порочной мотивации поведения экстремист не испытывает ответственности за свои поступки. Он лишь раб Аллаха и послушный исполнитель его воли, поэтому и ответственность за собственные поступки он перекладывает на Аллаха.

Во-вторых, доминирующей целью истинного мусульманина является получение высшей благодати, а мусульманина-экстремиста – уничтожение порчи в кяфирах-безбожниках, вероотступниках, а также борьба с иноверцами и порчей видимого мира.

В-третьих, поведение нормального мусульманина отличается миролюбием, по отношению к представителям других религий он снисходителен и предпочитает вести диалог. А для поведения мусульманина-экстремиста характерны акцентуированная жесткость, напористость и безусловный приоритет принудительных насильственных действий.

В-четвертых, в религиозном поведении истинного мусульманина обнаруживается бесспорный приоритет религиозных культовых действий, т. к. общение с Аллахом имеет для него главный смысл. В экстремистском поведении доминируют внекультовые поступки, т. к. не ревностное служение Аллаху, а искоренение «порчи» в мире и в людях образует главный смысл исламского служения.

В-пятых, поведение нормального мусульманина предстает как полимотивационное. В общей структуре его деятельности культовые действия образуют всего лишь часть индивидуального поведения, а религиозно-культовые мотивы не исчерпывают всей мотивационной сферы поведения. А у мусульманина-экстремиста религиозная деятельность превращается не просто в преобладающий вид деятельности, она становится господствующим видом поведения, принудительно подчиняющим и перестраивающим в соответствии с исламскими экстремистскими целями все другие формы и виды деятельности.

Заключение

Итак, специфическое отличие экстремистского поведения мусульманина от других религиозных видов поведения обусловлено тем, что оно мотивировано экстремистской исламской идеологией. Оно представляет собой иллюзорно-деструктивную агрессию мусульман против вероотступников в своей среде, иноверцев, неверующих и испорченного мира. В религиозном поведении экстремиста, в отличие от поведения добропорядочного верующего, акцентировано разрушение, которое квалифицируется им как главная форма богослужения. Оно направляется на противные Богу и «истинной вере» объекты – предметы культа иноверующих, на отдельных представителей иноверцев, вероотступников и еретиков в собственной среде и пр. Главной же формой религиозного поведения становится не служение Богу, а война с иноверцами, противоборство с чужими, защита своей «истинной» веры от ее открытых и скрытых врагов.

Таким образом, знания отличительных особенностей религиозной исламской идеологии, психологии и поведения, их возможных экстремистских превращений не допускают провокационных утверждений типа: «ислам – религия террора и насилия», «все мусульмане фанатики и террористы» и т. п. В то же время мы должны признать, что экстремизм, который обосновывает и оправдывает свои человеконенавистнические

идеи и действия ссылками на авторитарные источники ислама, наносит исламу непоправимый вред, разжигает вражду и ненависть к исламу в целом и мусульманской умме.

Исламский экстремизм уже преуспел в создании отрицательного образа ислама в мировой общественном сознании. Из-за кровожадности мусульман-фанатиков, повсеместно совершающих террористические акты, ислам в умах большинства не мусульман стал понятием, обозначающим массовые убийства и разрушения. Изменить ситуацию запретами неудобных терминов нельзя. Для этого нужен целый комплекс мероприятий экономического, политического, социокультурного характера, устраняющий конкретные условия и причины экстремистской трансформации исламской религиозной идеологии и практики. Поэтому крайне актуальны ускоренная модернизация российского общества, выведение депрессивных регионов России из состояния прогрессирующей архаизации и маргинализации. Помимо комплексного реформирования всего российского общества важнейшим направлением предупреждения экстремистских метаморфоз ислама остается формирование на уровне исламского сознания устойчивого иммунитета к экстремистским метаморфозам. А для этого крайне важным представляется качественное исламское образование и воспитание, систематическое просвещение населения в духе подлинных ценностей ислама.

Литература

1. Баглиев М.А. Политические аспекты современного исламского экстремизма (на примере Египта): автореф. дис. ... к. ист. н. // DisserCat – электронная библиотека диссертаций. URL: http://planetadisser.com/see/dis_154460.html
2. Д. Медведев предлагает заменить «исламский экстремизм» на исламский телеканал // Исламский край. – 2009. – № 5. URL: <http://www.islamsib.ru/attachments/article/45/islamskiy-kray-05.pdf>
3. Клачков П.В., Шмелевич А. Удар по террористической пирамиде. Религиозный экстремизм и противодействие ему в условиях современного мира // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21983.htm>
4. Пичугин С. Исламский экстремизм: мифы и реальность. Важны не идеи, а методы // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22558.htm>
5. Президент Дагестана предложил отказаться от термина «исламский терроризм» // «АН-online». URL: <http://argumenti.ru/politics/2013/10/290289>
6. Рамазан Абдулатипов выступил с обращением к представителям средств массовой информации // Сайт РИА Дагестан. URL: http://www.riadagestan.ru/news/president/ramazan_abdulatipov_vystupil_s_obrashcheniem_k_predstaviteljam_sredstv_massovoy_informatsii
7. Рыжков В. Исламский экстремизм – это абсолютно реальная угроза // <http://www.ryzkov.ru/>
8. Сюкияйнен Л.Р. О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама // ANAURT. URL: <https://anaurt.com/qrt/content/syukiyaynen-l-o-pravovyh-sredstvah-borby-s-islamskim-ekstremizmom-i-osnovnyh-napravleniyah>
9. Фейган Д. Кестонская служба новостей: исламский экстремизм в Татарстане – фантом или реальность? // Портал Credo.ru URL: <http://www.portal-credo.ru:8000/site/?act=monitor&id=84>
10. Харрис С. Конец веры. Религия, террор и будущее разума // ЛитРес. URL: <http://www.litres.ru/sem-harris/konec-very-religiya-terror-i-budushee-razuma-2/#n13>

References

1. Bagliev M.A. *Politicheskie aspekty sovremennogo islamskogo ekstremizma (na primere Egipta)* Avtoreferat dissertatsii [*The political aspects of contemporary Islamic extremism (the case of Egypt)*]. DisserCat – elektronnyaya biblioteka dissertatsii URL: http://planetadisser.com/see/dis_154460.html (In Russian)
2. D. Medvedev predlagaet zamenit' «islamskii ekstremizm» na islamskii telekanal [Dmitry Medvedev proposes to replace "Islamic extremism" on Islamic TV channel] *Islamskii krai. [Islamic region]* 2009, no. 5. URL: <http://www.islamsib.ru/attachments/article/45/islamskiy-kray-05.pdf> (In Russian)
3. Klachkov P.V., Shmulevich A. Udar po terroristicheskoi piramide. Religiozniy ekstremizm i protivodeistvie emu v usloviyakh sovremennogo mira [*Shmulevich a terrorist Strike on the pyramid. Religious extremism and countering him in the modern world*]. Agentstvo politicheskikh novostei. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21983.htm> (In Russian)
4. Pichugin S. *Islamskii ekstremizm: mify i real'nost'. Vazhny ne idei, a metody* [*Islamic extremism: myths and reality. Methods, not ideas, are important*] Agentstvo politicheskikh novostei. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22558.htm> (In Russian)
5. *Prezident Dagestana predlozhit' otkazat'sya ot termina «islamskii terrorizm»* [*The President of Dagestan proposed to abandon the term "Islamic terrorism"*]. «AN-online». URL: <http://argumenti.ru/politics/2013/10/290289> (In Russian)
6. *Ramazan Abdulatipov vystupil s obrashcheniem k predstavityel'nyam sredstv massovoy informatsii* [Ramazan Abdulatipov addressed the representatives of mass media]. RIA Dagestan. URL: http://www.riadagestan.ru/news/president/ramazan_abdulatipov_vystupil_s_obrashcheniem_k_predstavityel'nyam_sredstv_massovoy_informatsii (In Russian)
7. Ryzhkov V. *Islamskii ekstremizm – eto absolyutno real'naya ugroza* [*Islamic extremism is an absolutely real threat*] URL: <http://www.ryzhkov.ru> (In Russian)
8. Syukiyainen L.R. *O pravovykh sredstvakh bor'by s islamskim ekstremizmom i osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoi politiki v otnoshenii islama* [*On legal ways to fight Islamic extremism and the main directions of state policy in regard to Islam*]. ANAURT. URL: <https://anaurt.com/qrt/content/syukiyaynen-l-o-pravovyh-sredstvakh-borby-s-islamskim-ekstremizmom-i-osnovnyh-napravleniyah> (In Russian)
9. Feigan D. *Kestonskaya sluzhba novostei: islamskii ekstremizm v Tatarstane – fantom ili real'nost'?* [*Keston news service: Islamic extremism in Tatarstan – myth or reality?*]. Portal Credo.ru URL: <http://www.portal-credo.ru:8000/site/?act=monitor&id=84> (In Russian)
10. Kharris S. *Konets very. Religiya, terror i budushchee razuma* [*The End of faith. Religion, terror and the future of reason*]. LitRes. URL: <http://www.litres.ru/sem-harris/konec-very-religiya-terror-i-budushee-razuma-2/#n13> (In Russian)